

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008

Т. И. Ерохина <https://orcid.org/0000-0002-8328-2546>

Субъективность восприятия времени в мифотворчестве советской эпохи

Выполнено по гранту Российского научного фонда № 20-68-46013

«Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Ерохина Т. И. Субъективность восприятия времени в мифотворчестве советской эпохи // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 3 (120). С. 155-161. DOI 10.20323/1813-145X-2021-3-120-155-161

Время является базовым концептом современного культурфилософского и социокультурного знания. Выступая частью хронотопа, концепт времени в истории культуры обретает самодостаточность и репрезентируется на разных уровнях. Дискурс времени задает аксиологическую систему координат и культурных кодов, позволяющих раскрыть сущностные характеристики разных типов культуры. Наиболее репрезентативно трансформация представлений о времени представлена в советской культуре, претендующей на моделирование новой картины мира.

В статье рассмотрен мифологический дискурс времени, раскрывающий темпоральность человеческого бытия советской эпохи. Автор анализирует структуру и смысловое содержание дефиниции мифологического времени, определяет векторы его субъективизации в процессе мифотворчества. Обозначены мифологические временные циклы и праздники, созданные в советский период, раскрыт футуристический и утопический характер парадигмы времени. При раскрытии темы автор обращается к репрезентации восприятия времени в художественных и повседневных практиках, отмечена трансформация и эволюция дискурса времени в соотношении с теоретическими моделями темпоральности. Автор отмечает ритуальный характер советской культуры, в которой время становится не только условием бытования ритуала, но и его содержательным аспектом. Временная парадигма выступает онтологическим основанием формирования советского канона в искусстве. В статье обозначены преемственность и самобытность субъективизации времени в мифотворчестве советской эпохи, которая может стать основой осмысления эволюции и парадоксальности временного дискурса современности.

Ключевые слова: советская эпоха, темпоральность, время, мифотворчество, символика, субъективность, футуризм, репрезентация, картина мира.

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART

THEORETICAL ASPECTS IN STUDYING CULTURAL PROCESSES

T. I. Erokhina

Subjectivity of the perception of time in the myth-making of the Soviet Era

Time is the basic concept of modern cultural and socio-cultural knowledge. Being a part of the chronotope, the concept of time in the history of culture becomes self-sufficient and is represented at different levels. The discourse of time sets an axiological system of coordinates and cultural codes that allow us to reveal the essential characteristics of different types of culture. The most representative transformation of ideas about time is represented in Soviet culture, which claims to model a new picture of the world. The article deals with the mythological discourse of time, which reveals the temporality of human existence in the Soviet era. The author analyzes the structure and semantic content of the definition of mythological time, determines the vectors of subjectivization of time in the process of myth-making. Mythological time cycles and holidays created during the Soviet period are outlined, and the futuristic and utopian nature of the time paradigm is revealed. When discussing the topic, the author turns to the representation of the

perception of time in artistic and everyday practices, and notes the transformation and evolution of the discourse of time in relation to theoretical models of temporality. The author notes the ritual nature of Soviet culture, in which time becomes not only a condition for the existence of the ritual, but also its content aspect. The time paradigm becomes the ontological basis for the formation of the Soviet canon in art. The article outlines the continuity and originality of the subjectivization of time in the myth-making of the Soviet era, which can become the basis for understanding the evolution and paradoxical nature of the temporal discourse of modernity.

Keywords: Soviet era, temporality, time, myth-making, symbolism, subjectivity, futurism, representation, world picture.

«Взвивайся, песня,
 рей, моя,
 над маршем
 красных рот!
 Впе-
 ред,
 вре-
 мя!
 Вре-
 мя,
 вперед!»

*Марш времени
 (В. Маяковский «Баня»)*

Введение

Время – один из базовых концептов в системе гуманитарного знания. Каждый тип культуры создает свою парадигму времени, которая формирует определенную систему ценностей и смысловой фундамент культуры, и именно эта парадигма обуславливает вектор развития культуры и общества, наполняя его аксиологическими смыслами. Деятельность человека и общества соотносится с временной парадигмой и приобретает смысл в контексте временных ритмов наиболее важных событий.

Дискурс времени становится культурным кодом, который задает определенную систему координат, выстраивая соотношение мифологического и исторического времен, сакрального и профанного, объективного и субъективного восприятия времени. Являясь частью хронотопа, представление о времени, в свою очередь, проецирует символы культуры. Осмысление категории времени приобретает особую *актуальность и научную значимость* в контексте изучения культур, для которых процессы мифотворчества и мифологизации являются условием формирования и бытования нового общественного устройства. Советская эпоха характеризуется стремлением создать новый тип культуры, что было бы невозможно без переосмысления категории времени. Анализу специфики восприятия и репрезентации времени в мифотворчестве советской эпохи и будет посвящена данная статья.

Методология исследования

Теоретико-методологическая база исследования включает в себя исследования по мифокритике, представленные работами С. Бойм [Бойм, 2002], Е. Ермолина [Ермолин, 1996], А. Косарева

[Косарев, 2000], А. Лосева [Лосев, 1994], М. Элиаде [Элиаде, 1994]. В исследовании востребованы методы символического и семиотического анализа Р. Барта, Э. Кассирера, А. Лосева, Ю. Лотмана, Ю. Степанова.

Особую группу исследований, к которым обращался автор статьи, составили работы по осмыслению темпоральности человеческого бытия (Н. Бабыкина [Бабыкина, 2016], М. Балина [Балина, 2000], Т. Веревкина [Веревкина, 2008], Д. Горин [Горин, 2007], О. Долженко [Долженко, 2011], Р. Kosellik [Kosellik, 1985], А. Полетаев, И. Савельева [Савельева, 1997], Ю. Степанов [Степанов, 2001], D. J. Wilcox [Wilcox, 292]); а также советской культуры (С. Бойм [Бойм, 2002], В. Глебкин [Глебкин, 1998], Х. Гюнтер [Соцреалистический канон ... , 2000], Е. А. Добренко [Соцреалистический канон ... , 2000], Е. Ермолин [Ермолин, 1996], К. Clark [Clark, 1981], В. Паперный [Паперный, 2016], М. Чегодаева [Чегодаева, 2003]).

Результаты исследования

Категория времени неоднократно становилась предметом гуманитарных исследований, при этом, если научное восприятие времени, которое обладает такими свойствами, как объективность, длительность, однонаправленность и необратимость, перцепция, не подвергается сомнению, то специфика субъективности восприятия времени актуализируется в контексте каждого типа культуры. Так, сошлемся на работу И. М. Савельевой и А. В. Полетаева «История и время: в поисках утраченного», в которой авторы предлагают комплексное исследование времени как категории исторического дискурса, анализируя календарное и событийное время, историческое время и утопические проекты, сакральные преставления и игры со временем [Савельева, 1997]. Р. Козеллик утверждает, что категория времени сегодня «высвободилась из-под давления категории пространства и стала восприниматься как самостоятельный активный медиум. Время перестало быть простой единицей измерения, оно распространяется на все сферы нашего бытия. Время обновляет старые формы сознания и со все убыстряющимся темпом создает новые экспериментальные конфигурации. Время есть основа современного мира» [Kosellik, 1985,

с. 8]. Значимость социалистического времени (как времени нового типа) подчеркивала М. Балина, отмечая, что «в нем <социалистическом времени>, как в кривом зеркале, отражается многообразие темпоральных связей. Направленность социализма на утопию не только увеличивает значимость категории времени в нарративных структурах, но и придает времени важную оценочную функцию» [Балина, 2000, с. 585].

В связи с этим темпоральность человеческого бытия приобретает особое значение в культурах, которые изначально ориентированы на уникальность и разрыв с традициями прошлых эпох, на что обратила внимание в своем исследовании Н. Н. Бабыкина, обозначив многочисленные примеры изменения календаря в истории культуры [Бабыкина, 2016]. Так, обращаясь к истории Франции, автор отмечает, что после прихода к власти якобинцев в 1793 г. была проведена реформа календаря, которая изменила летоисчисление, заменила недели декадами, провозгласила новые праздники (праздники Труда, Гения, Подвигов, Общественного мнения) [Бабыкина, 2016]. Все вышеперечисленные изменения свидетельствуют о попытке создания новой временной парадигмы, которая разрывает с предыдущей эпохой и формирует новые условия и символы становления культуры. Подобная ситуация складывается в России: календарная реформа Октябрьской революции 1917 г. также пытается выстроить новую парадигму времени. Наиболее показательны в восприятии времени строки В. Маяковского:

В диком разгроме старое смыв,
Новый разгоним по миру миф!
Время-ограду взломим ногами (курсив мой. – Т. Е.).

[Маяковский]

Обратим внимание на то, что реформы, связанные с изменением календаря (символическим изменением временного ритма культуры), проводились официальной властью, которая пыталась, таким образом, поставить под контроль социальное время, задать ему вектор развития. Реформа временных представлений предполагала создание *новой картины мира*, что мы обнаруживаем в идеологических установках советской культуры, которая моделировала концепты новой культуры, нового советского человека и новой страны [Ерохина, 2020]. Советская культура создавалась с «чистого листа», она понималась и замысливалась властью как не имеющая предшественников и аналогов в прошлом:

Вперед, страна,
 скорей, моя,
пускай
 старье
 сотрет!

Впе-
ред,
 вре-
 мя!
Вре-
мя,
 вперед!

[Маяковский]

Реформа базировалась не только на десакрализации времени (времени христианских праздников, русской досоветской культуры), она включала в себя сакрализацию нового времени, которая была ориентирована на мифологические представления о времени.

Исследователи, анализируя структуру и смысловое содержание дефиниции мифологического времени, обращают внимание на то, что время теряет объективное научное измерение, становится переживаемым и субъективным: время становится неоднородным [Лосев, 1994, с. 87], может иметь разную качественность и длительность, быть конечным и прерывным [Косарев, 2000, с. 236-237].

Восприятие времени человеком приобретает мифологический дискурс. Мифологическое время, в первую очередь, повествует о происхождении явлений, о неких сакральных первоначалах, первичных сакральных действиях, которые происходят в начальное время [Элиаде, 1994, с. 63]. Это первоначальное время – время первопредков, первопричин, первичных актов творения (космогонии, антропогонии и т. д.), то есть рождения мира. Мифологическое прошлое – время создания космоса из хаоса [Элиаде, 1994, с. 49-50].

Мифологическое время теряет абстрактность, поскольку наполняется конкретной семантикой и символикой, событиями и персонажами: «Для мифологического сознания важна антропоцентрическая оценка времени: все события воспринимаются сквозь призму человеческой жизни. Можно констатировать, что время сознания имеет сходные характеристики со временем мифологическим; и мифологическое и субъективное время могут быть рассмотрены как разновидности “концептуального” времени» [Иванова].

Подобную субъективизацию времени, заданную через мифологический дискурс, мы обнаруживаем в мифотворчестве советской эпохи, которая пытается укорениться не только в пространстве, но и во времени.

Время выстраивается по аналогии с мифологическими циклическими ритмами, представленными в традиционных мифосистемах: так, космогония в советской мифосистеме представлена сюжетом Октябрьской социалистической революции, который приобретает онтологически значимый характер для всей советской культуры. День Ок-

тябрьской революции становится, по утверждению Е. А. Ермолина, типологическим аналогом Рождества Христова [Ермолин, 1996], «...вся история – лишь подготовка к Октябрю, великие люди прошлого и герои – его предтечи» [Зоркая, 2006].

При этом космогония совпадает с эсхатологией, которая символизирует конец (крушение) старого мира: «космогоническая и эсхатологическая проекции октябрьского мифа не противоречат друг другу. Они взаимодополнительны и согласованы по логике мифосознания как разные аспекты одного события, происходящего в вечности. Умирает одна эпоха, на смену ей приходит эпоха другая. Эсхатология – это космогония» [Ермолин, 1996, с. 38]. Празднование дня Октября становится символическим обновлением начального космогонического процесса (подобно праздникам хеб-седа в Древнем Египте), репрезентируемого в стихотворных строках:

И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди,
И Ленин такой молодой,
И юный Октябрь впереди.

(Стихи Н. Добронравова,
музыка А. Пахмутовой)

С мифом Октября связано представление о Золотом веке – еще один мифологический цикл, который приобретает в советском мифотворчестве новый временной вектор. Так, в традиционных мифосистемах Золотой век символизирует время гармонии и близости к сакральному времени богов и, как правило, имеет проекцию в прошлое: это время создания первых людей, время нахождения человека в Эдеме, время до грехопадения и изгнания из рая, время героев. В советской мифосистеме представления о золотом веке приобретают проекцию в будущее и трансформируются в миф о «светлом будущем». Модус времени в советской культуре был определен не столько мифологическим прошлым, сколько мифологическим будущим (культура ориентирована на «светлое будущее», которое необходимо построить): «Проект нового государственного устройства вырос из проекта “нового мира”. Революция планировалась как общечеловеческая. Весь земной шар должен был обратиться в строительную площадку “нового мира”» [Бабыкина, 2016].

Шагай, страна,
быстрой, моя,
коммуна –
у ворот!

Впе-
ред,
вре-
мя!

Вре-
мя,
вперед! [Маяковский]

В связи с этим Е. А. Ермолин отмечает значимость еще одного праздника, ориентированного на будущее, – праздника 1 Мая. Действо 1 Мая принимало на себя традиционные пасхальные смыслы, восходя к извечному архетипическому мифу смерти и воскресения. Демонстрация как основной ритуал мифа становилась способом его действенного воспроизведения, идеологической актуализации для участников шествия, принимающих на себя определенные мифокультурные роли: разворачивается вполне серьезная мистерия возрождения, ориентированного на эсхатологическую перспективу [Ермолин, 1996].

Поддерживая точку зрения Н. Н. Бабыкиной, согласно которой советская парадигма времени носила ярко выраженный *футуристический* и созидательный характер [Бабыкина, 2016], отметим, что специфика восприятия времени в советской культуре характеризовалась еще одной важной чертой – будущее было не только «светлым» и оптимистичным, оно мыслилось близким, достижимым и рукотворным: «Советский праздник как бы подчиняет интересы настоящего интересам будущего, стремится ускорить ход исторического времени, заставить его идти быстрее к намеченной цели. Советский праздник – это своеобразный выход в утопический мир, он постоянно провозглашал народный идеал жизни. <...> Постепенно и прошлое и настоящее, в котором реально живет человек, дискриминируются во имя будущего» [Бабыкина, 2016].

На пятилетке
премией
мы –
экономим год!
Впе-
ред,
вре-
мя!
Вре-
мя,
вперед! [Маяковский]

Временной мифологический вектор приобретают все так или иначе значимые события: от базовых праздников с демонстрациями (праздник годовщины Октябрьской революции и праздник 1 Мая) до съездов КПСС (ежегодных, а потом пятилетних), от временных (возрастных) циклов подготовки нового человека: октябрят (7-9 лет) – будущие пионеры; пионеры (9-14 лет) – будущие комсомольцы; комсомольцы (14-28 лет) – будущие коммунисты или юные коммунисты (коммунистом можно было стать в 18 лет при наличии рекомендаций от коммунистов со стажем и заслугами). Показательно, что значки (октябрятские, пионерские и комсомольские) также приобретают временной мифологический аспект, поскольку на ок-

тябрьских звездочках изображен юный Ленин (архетип старца/дителя), на пионерских и комсомольских – вождь в зрелом возрасте.

Временной аспект приобретает смерть Ленина, а точнее – сохранение его тела и строительство мавзолея, символизирующие вечную (божественную, сакральную) жизнь вождя: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!»

Мифологический дискурс времени находит свое выражение не только в формировании новой системы советских праздников, но и в ритуализации времени [Глебкин, 1998]. Так, ритуальный характер приобретают демонстрации. Демонстрации как ритуальные шествия в светлое будущее должны быть поняты именно как паломничества к святому месту. Анализируя символику обозначенного ритуала, Е. А. Ермолин отмечает, что в этот момент происходит встреча с творцом нового мира, первопродком-первоучредителем нового порядка вещей: «Это встреча не только с телом спящего вечным сном вождя, но и с его именем, написанным на мавзолее и несущим идейную суть усопшей личности, а также – с живыми носителями идеи, обладателями ленинской харизмы, которым по наследству передано имя и дело вождя» [Ермолин, 1996]. Таким образом, демонстрация реализует культурную функцию, имеющую временной аспект: демонстранты «демонстрируют» себе готовность двигаться в светлое будущее.

Отдельного внимания заслуживает изучение изменения темпа и ритма восприятия времени в соотношении с этапами развития советской культуры. Так, Д. Горин отмечает, что в 1970-е гг. время становится более размеренным и замедленным, в отличие от времени периода Сталина (пятiletка – в три года) или периода Хрущева (семилетки вместо пятiletок) [Горин, 2007]. Временная парадигма становится условием формирования советского канона в искусстве, который проявляет себя в особом рода хронотипах [Балина, 2000].

Своеобразным символом субъективного восприятия времени в мифотворчестве советской эпохи становится, на наш взгляд, двухсерийный фильм 1965 г. «Время, вперед!». В основе фильма – экранизация одноименного романа советского писателя Валентина Катаева, который в его заглавии вынес строку из пьесы В. Маяковского «Баня» (фрагмент «Марша времени»). Тем не менее мы считаем символическим воплощением субъективной трактовки времени мифотворчества советской эпохи фильм, а не роман, поскольку в экранизации романа появились дополнительные коннотации и символика. Жанр фильма обозначен как производственная драма, фильм был снят к юбилейному событию – пятидесятилетию Ок-

тябрьской революции (режиссеры Софья Милькина и Михаил Швейцер). Символический дискурс времени репрезентирован не только в сюжете, который посвящен событиям 1930-х гг. и повествует о первых пятiletках. Важнейшим символом времени становится музыка к фильму, написанная Г. Свиридовым, объединившим затем весь музыкальный материал в сюиту, которая получила название «Время, вперед!» и была опубликована в 1968 г. Эта музыкальная композиция получила всенародное признание, стала своеобразным музыкальным символом Советского государства, отождествляя и авангардное искусство, и научно-технический прогресс. Более того, в 1985 г. музыка «Время вперед!» впервые была использована в качестве заставки новостной программы «Время». Показательно, что после распада СССР музыкальная заставка была заменена, но с 1994 г. по просьбе телезрителей вернулась на телеэкраны.

Отметим, что в 1977 г. на киностудии Союзмультфильм был создан мультипликационный фильм «Время, вперед!» на основе стихов Владимира Маяковского (режиссер В. Тарасов).

Исследователь Ю. С. Степанов в своей работе «Константы: словарь русской культуры» дает классификацию темпоральных моделей, выделяя 1) «пульсирующее время», 2) «круговое» или «циклическое время», 3) ньютоновское линейное время, символизируемое прямой линией без начала и конца; 4) христианское линейное время; 5) линейное время, идущее в направлении улучшения и прогресса; 6) линейное время, идущее в направлении регресса; 7) время как последовательность точек; 8) «спиральное время»; 9) «летописное время»; 10) «время хроник»; 11) собственно «историческое время», отмечая, что главная особенность восприятия времени современным человеком заключается в том, что человек в «потоке времени» обращен спиной к нему, прошлое человека смотрит ему в лицо, а будущее находится где-то за спиной [Степанов, 2001, с. 196]. Восприятие исторического времени как времени мифологического поддерживал А. В. Юдин: «Собственно говоря, это вполне естественная точка зрения: мы можем обозреть в той или иной перспективе удаляющееся прошлое, но будущее для нас закрыто как то, что за нами. Современный человек представляет себя вслепую идущим по дороге времени» [Юдин, 1994, с. 41]. Таким образом, можно утверждать, что любая историческая модель времени так или иначе может быть представлена в мифологическом дискурсе, особенно в случае установки создания новой картины мира, ко-

торуую мы обнаруживаем в мифотворчестве советской эпохи.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что концепт времени составляет основу формирования и восприятия культуры. Время является культурным кодом, который отражает специфику конкретной исторической эпохи и репрезентирует культурную память и бытование культуры. Субъективное восприятие времени в мифотворчестве советской эпохи не укладывается ни в одну из предложенных выше Ю. С. Степановым классификаций. Уникальность советской парадигмы времени заключается в том, что время *стало возможно изменить*. И процесс изменения времени не ограничивается появлением новых праздников, а приобретает живой, динамический и постоянный характер. Преобразование времени на уровне появления часовых поясов, пятидневок или шестидневок, пятилеток и ритуалов временных циклов становится неотъемлемой частью советской повседневности. Футурологический проект культуры, обращенной в будущее, не исчерпал себя в современной отечественной культуре, так или иначе демонстрирующей возможность смещения и изменений временных границ. Восприятие времени в советскую эпоху обретает утопический характер, ориентированный на вечность и непрерывность.

Наляга, страна,
 скорей, моя,
 на непрерывный ход!
 Впе-
 ред,
 вре-
 мя!
 Вре-
 мя,
 вперед! [Маяковский]

Библиографический список

1. Бабыкина Н. Н. Проблема времени в советской и постсоветской культуре // NovaInfo. 2016. № 47-2. URL: <https://novainfo.ru/article/6543> (Дата обращения: 25.02.2021)
2. Балина М. Дискурс времени в соцреализме // Соцреалистический канон / под общ. ред. Ханса Гюнтера и Е. Добренко. Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. С. 585-595.
3. Бойм С. Общие места : мифология повседневной жизни / перевод с английского. Москва : Новое лит. обозрение, 2002. 310 с.
4. Веревкина Т. В. Языковая модель времени как одна из основных темпоральных моделей // Вестник ТГУ. 2008. Выпуск 9(65). С. 127-132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-model-vremeni-kak-odna-iz-osnovnyh-temporalnyh-modeley/viewer> (Дата обращения: 25.02.2021)
5. Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. Москва : Янус-К, 1998. 168 с.
6. Горин Д. «Конец перспективы»: переживание времени в культуре 1970-х // Неприкосновенный запас. 2007. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/2/konecz-perspektivy-perezhivanie-vremeni-v-kulture-1970-h.html> (Дата обращения: 25.02.2021)
7. Долженко О. Время и темпоральность как формообразующий компонент культуры. 2011. URL: <https://www.science-community.org/ru/node/3717> (Дата обращения: 25.02.2021)
8. Ермолин Е. А. Материализация призрака. Тоталитарный театр советских массовых акций 1920-1930-х годов. Ярославль : ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 1996. 141 с.
9. Ерохина Т. И. Героизация личности и быта в советской культуре начала XX в.: генезис и трансформация // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4 (115). С. 147-155.
10. Зоркая Н. Миф об Октябре как о венце истории // Объект исследования – искусство: по страницам «Культурологических записок». Москва : Индрик, 2006. С. 309-321.
11. Иванова Ю. Категория мифологического времени в современном романе-мифе (на примере романа Джеймса Джойса «Улисс»). URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/kategoriya-mifologicheskogo-vremeni8.htm> (Дата обращения: 25.02.2021)
12. Косарев А. Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость. Москва : ПЕР СЭ, 2000. 304 с.
13. Куляпин А. И. Игры со временем: семиотика часов в советской культуре 1920-40-х гг. / А. И. Куляпин, О. А. Скубач // Филология и человек. 2007. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igry-so-vremenem-semiotika-chasov-v-sovetskoy-kulture-1920-40-h-gg/viewer> (Дата обращения: 25.02.2021)
14. Лосев А. Ф. Миф – число – сущность. Москва : Мысль, 1994. 920 с.
15. Маяковский В. Баня. URL: <https://ilibrary.ru/text/2143/p.6/index.html> (Дата обращения: 25.02.2021)
16. Паперный В. Культура Два / Владимир Паперный. 4-е изд. Москва : Новое лит. обозрение, 2016. 412 с. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/papern/01.p.html; (Дата обращения: 25.02.2021)
17. Савельева И. М. История и время: в поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Москва : Языки русской культуры, 1997. 800 с.
18. Соцреалистический канон : сборник статей (под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко). Москва : Акад. проект, 2000. 1040 с.
19. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 2. изд., испр. и доп. Москва : Акад. проект, 2001. 989 с.
20. Чегодаева М. А. Социалистический реализм : Мифы и реальность. Москва : Захаров, 2003 (Екатеринбург : ГИПП Урал. рабочий). 214 с.
21. Элиаде М. Священное и мирское. Москва : Изд-во МГУ, 1994. 143 с.

22. Юдин А. В. Русская традиционная народная духовность. Москва : Интерфакс, 1994. 400 с.

23. Donald J. Wilcox. The Measure of Times Past. Pre-Newtonian Chronologies and the Rhetoric of Relative Time. Chicago and London : University of Chicago Press, 1987. 292 P. P. 24.

24. Katerina Clark. The Soviet Novel: History as Ritual. By Katerina Clark. Chicago and London: University of Chicago Press, 1981 293 P. S. 136.

25. Reinhard Kosellik. Future Past: On the Semantics of Historic Time. (Transi, by Keith Tribe). Cambridge, Mass., 1985. 317 P. P. 8.

Reference list

1. Babykina N. N. Problema vremeni v sovetskoj i postsovetskoj kul'ture = The problem of time in Soviet and post-Soviet culture // NovaInfo. 2016. № 47-2. URL: <https://novainfo.ru/article/6543> (Data obrashhenija: 25.02.2021)

2. Balina M. Diskurs vremeni v soerealizme = The discourse of time in social realism // Socrealisticheskij kanon / pod obshh. red. Hansa Gjuntera i E. Dobrenko. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 2000. S. 585-595.

3. Bojm S. Obshhie mesta : mifologija povsednevnoj zhizni = Common places: mythology of everyday life / perevod s anglijskogo. Moskva : Novoe lit. obozrenie, 2002. 310 s.

4. Verevkina T. V. Jazykovaja model' vremeni kak odna iz osnovnyh temporal'nyh modelej = Language time model as one of the main temporal models // Vestnik TGU. 2008. Vypusk 9(65). S. 127-132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/jazykovaya-model-vremeni-kak-odna-iz-osnovnyh-temporalnyh-modelej/viewer> (Data obrashhenija: 25.02.2021)

5. Glebkin V. V. Ritual v sovetskoj kul'ture = Ritual in Soviet culture. Moskva : Janus-K, 1998. 168 s.

6. Gorin D. «Konec perspektivy»: perezhivanie vremeni v kul'ture 1970-h = «The End of Perspective»: experiencing time in 1970s culture // Neprikosnovennyj zapas. 2007. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/2/konecz-perspektivy-perezhivanie-vremeni-v-kulture-1970-h.html> (Data obrashhenija: 25.02.2021)

7. Dolzhenko O. Vremja i temporal'nost' kak formoobrazujushhij komponent kul'tury = Time and temporality as a form-forming component of culture, 2011. URL: <https://www.science-community.org/ru/node/3717> (Data obrashhenija: 25.02.2021)

8. Ermolin E. A. Materializacija prizraka. Totalitarnyj teatr sovetskih massovyh akcij 1920-1930-h godov = Materialization of the ghost. Totalitarian theater of Soviet mass actions of the 1920-1930s. Jaroslavl': JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 1996. 141 s.

9. Erohina T. I. Geroizacija lichnosti i byta v sovetskoj kul'ture nachala HH v.: genezis i transformacija = Heroization of personality and life in Soviet culture of the early twentieth century: genesis and transformation // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2020. № 4 (115). S. 147-155.

10. Zorkaja N. Mif ob Oktjabre kak o vence istorii = The myth of October as the crown of history // Ob#ekt

issledovanija – iskusstvo: po stranicam «Kul'turologicheskikh zapisok». Moskva : Indrik, 2006. S. 309-321.

11. Ivanova Ju. Kategorija mifologicheskogo vremeni v sovremennom romane-mife (na primere romana Dzhejmisa Dzhojsa «Uliss») = The category of mythological time in a modern myth novel (using the example of James Joyce's novel «Ulysses»). URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/kategorija-mifologicheskogo-vremeni8.htm> (Data obrashhenija: 25.02.2021)

12. Kosarev A. F. Filosofija mifa: Mifologija i ee jevristscheskaja znachimost' = Myth philosophy: Mythology and its heuristic significance. Moskva : PER SJe, 2000. 304 s.

13. Kuljapin A. I. Igry so vremenem: semiotika chasov v sovetskoj kul'ture 1920-40-h gg. = Games with time: semiotics of watches in Soviet culture of the 1920-40s / A. I. Kuljapin, O. A. Skubach // Filologija i chelovek. 2007. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igry-so-vremenem-semiotika-chasov-v-sovetskoj-kul'ture-1920-40-h-gg/viewer> (Data obrashhenija: 25.02.2021)

14. Losev A. F. Mif – chislo – sushhnost' = Myth – number – entity. Moskva : Mysl', 1994. 920 s.

15. Majakovskij V. Banja = Bath. URL: <https://ilibrary.ru/text/2143/p.6/index.html> (Data obrashhenija: 25.02.2021)

16. Papernyj V. Kul'tura Dva = Culture Two / Vladimir Papernyj. 4-e izd. Moskva : Novoe lit. obozrenie, 2016. 412 s. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/papern/01.p hp; (Data obrashhenija: 25.02.2021)

17. Savel'eva I. M. Istorija i vremja: v poiskah utračennoego = History and time: in search of the lost / I. M. Savel'eva, A. V. Poletaev. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1997. 800 s.

18. Socrealisticheskij kanon = Socialist realistic canon : sbornik statej (pod obshh. red. H. Gjuntera, E. Dobrenko). Moskva : Akad. proekt, 2000. 1040 s.

19. Stepanov Ju. S. Konstanty: slovar' russkoj kul'tury = Constants: Dictionary of Russian Culture. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Akad. proekt, 2001. 989 s.

20. Chegodaeva M. A. Socialisticheskij realizm = Socialist realism : Mify i real'nost'. Moskva : Zaharov, 2003 (Ekaterinburg : GIPP Ural. rabochij). 214 s.

21. Jeliade M. Svjashhennoe i mirskoe = Sacred and temporal. Moskva : Izd-vo MGU, 1994. 143 s.

22. Judin A. V. Russkaja tradicionnaja narodnaja duhovnost' = Russian traditional folk spirituality. Moskva : Interfaks, 1994. 400 s.

23. Donald J. Wilcox. The Measure of Times Past. Pre-Newtonian Chronologies and the Rhetoric of Relative Time. Chicago and London: University of Chicago Press, 1987. 292 R. P. 24.

24. Katerina Clark. The Soviet Novel: History as Ritual. By Katerina Clark. Chicago and London: University of Chicago Press, 1981 293 R. S. 136.

25. Reinhard Kosellik. Future Past: On the Semantics of Historic Time. (Transi, by Keith Tribe). Cambridge, Mass., 1985. 317 R. P. 8.